

A dramatic movie poster featuring a close-up of a man with a mustache and goatee, wearing a dark blue suit and a striped tie. He has a serious, intense expression. The background is a chaotic scene of destruction with flying debris and a bright explosion on the left. The overall style is cinematic and action-oriented.

Дмитрий Архипов

ТЕСЛА

Дмитрий Архипов

ТЕСЛА

«Автор»

2026

Архипов Д.

ТЕСЛА / Д. Архипов — «Автор», 2026

Эта книга — не биография. Не документальная хроника. Не учебник физики. Это роман. Художественное произведение. Я позволил себе додумать то, о чём молчат архивы. Я позволил себе представить, что Тесла был не просто гением, а человеком из будущего. Посланником. Тем, кто пришёл на эту планету с миссией — дать нам свет. В прямом и в переносном смысле. Почему я так решил? Потому что, изучая жизнь Теслы, я постоянно натыкался на необъяснимое. Его идеи опережали время на десятилетия, а иногда — на столетия. Переменный ток, вращающееся магнитное поле, беспроводная передача энергии, радар, рентгеновские лучи — он придумал всё это тогда, когда мир ещё не был готов. Откуда он это брал? Он говорил: «Из снов. Из видений. Из космоса». Учёные пожимали плечами и называли его сумасшедшим. А я задумался: а что, если он говорил правду? Что, если он действительно видел то, чего не видят другие? Что, если он действительно пришёл из другого времени?

© Архипов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ТЕСЛА

Глава

Дмитрий Архипов

ТЕСЛА

Новосибирск 2026

Я долго не мог начать этот роман. Не потому, что не хватало материала. Материала о Тесле — горы: биографии, статьи, патенты, письма, воспоминания современников. Не потому, что не хватало времени. Время — штука растяжимая, особенно когда горишь тем, о чём пишешь. Я не мог начать, потому что боялся. Боялся не справиться. Боялся не дотянуться до масштаба личности, о которой писал. Боялся, что слова окажутся слишком мелкими, слишком плоскими, слишком земными для человека, который всю жизнь смотрел на звёзды.

А потом я понял: бояться — это нормально. Тесла тоже боялся. Он боялся одиночества, боялся не успеть, боялся, что его идеи умрут вместе с ним. Но он продолжал. Продолжал изобретать, продолжал мечтать, продолжал верить. И именно это сделало его великим. Не отсутствие страха. А способность идти вперёд, несмотря на страх.

Эта книга — не биография. Не документальная хроника. Не учебник физики. Это роман. Художественное произведение. Я позволил себе додумать то, о чём молчат архивы. Я позволил себе представить, что Тесла был не просто гением, а человеком из будущего. Посланником. Тем, кто пришёл на эту планету с миссией — дать нам свет. В прямом и в переносном смысле.

Почему я так решил? Потому что, изучая жизнь Теслы, я постоянно натывался на необъяснимое. Его идеи опережали время на десятилетия, а иногда — на столетия. Переменный ток, вращающееся магнитное поле, беспроводная передача энергии, радар, рентгеновские лучи — он придумал всё это тогда, когда мир ещё не был готов. Откуда он это брал? Он говорил: «Из снов. Из видений. Из космоса». Учёные пожимали плечами и называли его сумасшедшим. А я задумался: а что, если он говорил правду? Что, если он действительно видел то, чего не видят другие? Что, если он действительно пришёл из другого времени?

Я не знаю ответа. Но я написал эту книгу так, как будто это правда. Потому что мне хочется верить: чудеса существуют. Потому что Тесла сам был чудом. Человек, который осветил мир, но умер в темноте. Человек, который подарил человечеству энергию, но не получил взамен ни славы, ни богатства, ни любви. Человек, который дружил с голубями, потому что люди его предали.

Эта книга — о нём. О Николе Тесле. О мальчишке из маленькой хорватской деревни, который стал повелителем молний. О гении, который разговаривал со звёздами. О мечтателе, который верил, что энергия может быть бесплатной, а мир — справедливым.

Но ещё эта книга — о нас. О каждом, кто когда-либо чувствовал себя чужим. О каждом, кто боялся, что его идеи не поймут. О каждом, кто падал — и вставал. О каждом, кто любил — и терял. О каждом, кто продолжал идти, даже когда идти было некуда.

Тесла говорил: «Я не трудился для настоящего. Я трудился для будущего». Будущее наступило. Мы живём в мире, который он создал. Каждый раз, когда вы включаете свет, — вы включаете Теслу. Каждый раз, когда вы заряжаете телефон, — вы заряжаете Теслу. Каждый раз, когда вы слышите гром, — вы слышите его голос. Он здесь. Он с нами. Он в каждом проводе, в каждой лампочке, в каждом киловатте.

Я хочу, чтобы, прочитав эту книгу, вы это почувствовали. Не просто узнали факты. Не просто запомнили даты. А почувствовали — сердцем. Как он чувствовал. Как он жил. Как он любил. Как он умирал — в одиночестве, но с улыбкой. Потому что он знал: его миссия выполнена. Свет горит. Мир продолжается.

Спасибо, что открыли эту книгу. Спасибо, что дали мне шанс рассказать вам эту историю. Спасибо, что помните Теслу. Пока мы помним — он жив.

С верой в человека,
Дмитрий Архипов.

Человек из будущего

Пролог: Падение звезды

1. Галактика, из которой он летел

Он летел из галактики, у которой нет имени в земных каталогах. Астрономы будущего назовут её NGC-6744 — гигантская спираль, похожая на Млечный Путь, только чуть больше, чуть ярче, чуть старше. Она находится в созвездии Павлина, и от Земли до неё — тридцать миллионов световых лет. Невообразимое расстояние. Расстояние, которое нельзя преодолеть на обычном двигателе.

Но корабль, на котором летел он, не был обычным.

Он назывался «Хронос» — не в честь греческого бога времени, а потому что его создатели, инженеры Эр-Девять, любили пафосные названия. «Хронос» был хроно-пространственным челноком: он не летел сквозь пространство, он скользил сквозь время. Представьте себе ткань реальности как бесконечное полотно, натянутое на раму мироздания. Обычный корабль ползёт по этому полотну, как муравей. «Хронос» протыкал его иглой и выходил с другой стороны.

За бортом в момент перехода не было ни звёзд, ни планет, ни тьмы. Был свет — но не тот, к которому привыкли люди. Свет хроно-туннеля был фиолетовым с золотыми прожилками, он пульсировал, как сердце, и пах озоном с примесью корицы. Пах, потому что в кабине «Хроноса» была система обонятельной стимуляции — чтобы пилот не сошёл с ума от сенсорной депривации. Запахи включали по расписанию: утром — кофе и свежий хлеб, вечером — хвоя и морской бриз. Сейчас, впрочем, было не до расписания. Система сбоила, и кабина пахла жжёной проводкой и страхом.

Он сидел в кресле пилота — не в кресле, а в гель-капсуле, которая принимала форму тела, обнимая его, как вторая кожа. Перед ним был голографический экран, на котором медленно умирали цифры. Температура хроно-двигателя зашкаливала. Стабилизаторы поля отказывали один за другим. Корабль умирал.

И он знал: это не случайность.

— --

2. Почему он вынужден был сесть на Земле

Миссия «Искра» была спланирована Советом Хроно-Наблюдателей с математической точностью. Десять агентов должны были отправиться в десять ключевых точек земной истории. Агент Семь — он — должен был прибыть в 1900 год, чтобы внедрить технологии беспроводной передачи энергии до того, как человечество увязнет в нефтяной зависимости.

Но что-то пошло не так.

Сбой произошёл на четвёртой минуте полёта. Сначала отказала навигация. Потом — система маскировки. Потом — связь с Советом. «Хронос» начал терять стабильность, его бросало из одной временной линии в другую, как щепку в водопаде. Он видел на экранах обрывки будущего: горящие города, взрывы, толпы людей с пустыми лицами, рекламу смартфонов (он не знал, что это такое, но реклама показалась ему отвратительной), кошек в интернете (это его на секунду отвлекло — кошки в его времени давно вымерли, и он засмотрелся).

А потом он увидел её.

Анна.

Не ту Анну, которую он знал, — та, из его времени, умерла много лет назад, и именно её потеря заставила его согласиться на эту миссию. Нет — он увидел другую Анну. Земную. Она стояла в саду, среди яблонь, и смеялась. Он не знал, кто она. Он не знал, из какого она времени. Но её лицо отпечаталось в его сознании, как световой ожог.

И он понял: он должен попасть на Землю. Не в 1900 год. Раньше. Гораздо раньше. Чтобы найти её. Чтобы успеть.

Он сам направил корабль к Земле. Сам отключил аварийные протоколы. Сам решил: хроно-двигатель не выдержит, капсула рухнет, но он выживет. Потому что он не может не выжить. Потому что теперь у него есть причина.

Где-то внизу была она.

— --

3. Межпланетное пространство: цвета, запахи, звуки

Когда «Хронос» вышел из хроно-туннеля и оказался в обычном пространстве, он завис на границе Солнечной системы. До Земли оставалось около миллиарда километров — по космическим меркам, рукой подать.

Он смотрел на звёзды.

В его времени звёзд почти не было видно — небо Эр-Девять было затянуто смогом из наночастиц, которые использовались для терраформирования. Здесь же, в прошлом, космос был чистым, как первый вздох. Звёзды сияли так ярко, что ему казалось: он слышит их звон. Это была иллюзия, конечно, — в вакууме звуки не распространяются. Но «Хронос» был оборудован системой аудио-симуляции: корабль переводил электромагнитные волны в слышимый диапазон. И Вселенная звучала.

Она звучала как орган. Низкие, протяжные ноты — это пульсары, мерно отсчитывающие ритм вечности. Высокие, звенящие — квазары, яростно пожирающие материю. А между ними — шёпот реликтового излучения, эхо Большого взрыва, которое звучало как дыхание спящего бога.

Он закрыл глаза и слушал.

Цвета за бортом тоже были необычными. Не просто чёрный с белыми точками. Нет. Пространство переливалось оттенками, которых не увидеть с Земли. Туманность Ориона, мимо которой пролетал «Хронос», была не зелёной, как на снимках телескопов, а изумрудно-золотой, с вкраплениями алого — цвета ионизированного водорода, который светился, как рождественская гирлянда. Пылевые облака были сиреневыми и пахли (да, система обонятельной симуляции работала) фиалками — так решили конструкторы корабля, которые считали, что космос должен пахнуть цветами, чтобы пилоты не сходили с ума от одиночества.

Одиночество.

Вот что было главным.

Он был один. Один в кабине, один в корабле, один в целой галактике. До Земли — миллиард километров. До Эр-Девять — тридцать миллионов световых лет и несколько столетий. Он не мог вернуться. Даже если бы захотел — не мог. «Хронос» был одноразовым. Совет не предусмотрел возврата. Агенты должны были раствориться в прошлом, стать его частью, умереть в нём.

Он знал это. Он согласился на это. Но сейчас, в тишине кабины, под аккомпанемент пульсаров и запах фиалок, он чувствовал, как одиночество сжимает горло ледяными пальцами.

И он заговорил. Сам с собой.

— Ну что, Никола, — сказал он вслух (да, он уже называл себя этим именем, хотя на Земле ещё не был), — ты хотел приключений? Ты их получил.

Голос звучал глухо. Стены кабины поглощали эхо.

— Корабль разваливается. Двигатель дышит на ладан. До Земли — миллиард километров. И где-то там — женщина, которую ты видел три секунды в хроно-туннеле и ради которой ты, собственно, всё это затеял. Логично? Нет. Разумно? Нет. Но ты же у нас романтик. Романтик, который летит через полгалактики ради улыбки, которую видел во сне.

Он усмехнулся. Юмор был его защитой. В Эр-Девять шутили мало — там вообще редко смеялись. Но он был исключением. Он всегда находил что-то забавное даже в самых мрачных ситуациях. Сейчас, например, его забавляло то, что система обонятельной симуляции, сломавшись, начала выдавать запах жареной картошки. В космосе. За миллиард километров от Земли. Пахло картошкой.

— Прекрасно, — сказал он. — Просто прекрасно. Я лечу спасать человечество, а пахну при этом как закусочная.

Он проверил показатели. Хроно-двигатель окончательно вышел из строя. Придётся идти на обычных ионных. Медленно. Очень медленно. Месяцы. Может, годы.

Он вздохнул и включил музыку. В архивах «Хроноса» была коллекция земных произведений — Совет собирал культурные артефакты разных эпох. Он выбрал что-то наугад. Заиграл Шопен. Ноктюрн номер два.

— Ну вот, — сказал он. — Другое дело. Шопен и картошка. Идеальное сочетание.

— --

4. Звуки Вселенной

Шли дни. Недели. Месяцы.

Он перестал считать время. Оно потеряло смысл. В кабине не было смены дня и ночи — только вечная полутьма, освещённая голографическими экранами. Он спал, когда уставал. Ел, когда хотел есть (пища была синтезированной, безвкусной, но питательной). Смотрел на звёзды. Слушал Вселенную.

И она говорила с ним.

Звуки космоса — это не метафора. Радиоволны, преобразованные в аудио, создавали симфонию, которую он никогда не слышал в своём времени. Юпитер, мимо которого он пролетал, ревел, как гигантский зверь, — его магнитосфера генерировала низкочастотные волны, которые звучали как басовый хор. Сатурн шелестел, как осенний лес, — это его кольца, состоящие из миллиардов ледяных частиц, создавали белый шум, удивительно приятный для слуха. А где-то далеко, за орбитой Нептуна, пел Плутон — тонким, едва слышным голосом, как ребёнок, который боится темноты.

Он слушал их часами. Он давал им имена. Юпитер он называл «Старый Ворчун». Сатурн — «Лесной Царь». Плутон — «Малыш». Он разговаривал с ними. И — странное дело — ему казалось, что они отвечают.

— Старый Ворчун, как думаешь, долетим? — спрашивал он, глядя на полосатый шар Юпитера.

Юпитер ревел в ответ.

— Я понял. Ты не уверен. Но я ценю твою честность.

Сатурн шелестел что-то успокаивающее.

— Спасибо, Лесной Царь. Ты всегда умел поддержать.

Плутон тихонько звенел.

— Нет, Малыш, я не боюсь. Ну, почти.

Он смеялся над собой. Сумасшествие? Возможно. Но это помогало. Это держало его на плаву.

— --

5. Космический холод

Холод был везде.

Не физический — кабина отапливалась, гель-капсула поддерживала комфортную температуру. Нет. Холод был внутри. Холод одиночества. Холод знания, что ты — последний. Что Эр-Девять, возможно, уже погибла. Что Совет Хроно-Наблюдателей, отправивший его сюда, мог быть уничтожен. Что из десяти агентов «Искры» он, возможно, единственный, кто долетел.

Этот холод был хуже физического. От него нельзя было укрыться. Он просачивался сквозь обшивку, сквозь гель-капсулу, сквозь кости. Он поселялся в сердце и медленно, методично, день за днём, сжимал его ледяными пальцами.

Он боролся с ним как мог. Читал земные книги — благо, архив был обширен. Особенно ему полюбились русские писатели — Достоевский, Толстой, Чехов. «Вишнёвый сад» он перечитывал трижды и каждый раз плакал. Не над пьесой — над собой. Над своей потерянной вишнёвой планетой. Над своим Эр-Девять, который, возможно, уже превратился в пепел.

Он учил языки. Французский, немецкий, сербский, русский. Сербский ему понравился больше всего — он звучал как музыка. Он решил: когда прибудет на Землю, будет говорить на сербском.

Он делал зарядку. В невесомости это было забавно: он кувыркался в кабине, цепляясь за поручни, и представлял себя акробатом. «Никола Тесла — космический гимнаст, — объявлял он сам себе. — Сегодня в программе: сальто через всю Солнечную систему. Смотрите на экранах!»

Юмора становилось всё больше. Чем ближе он подлетал к Земле, тем чаще ловил себя на мысли, что шутит. Это было странно. Он не был шутком в Эр-Девять. Там он был серьёзным учёным. Здесь же, в одиночестве, он превращался в комика.

Может быть, это был способ не сойти с ума. А может быть, просто Земля уже влияла на него — через книги, через музыку, через саму идею того, что где-то там, внизу, есть люди. Настоящие. Живые. Которые смеются, плачут, любят.

— --

6. Звёздная пыль

На подлёте к Земле он попал в облако космической пыли.

Это было неожиданно красиво. Мелкие частицы, оставшиеся от кометы, пролетевшей здесь тысячу лет назад, засветились в лучах далёкого Солнца. Они мерцали, как алмазная крошка, и медленно оседали на обшивку корабля. Звуковой симулятор переводил их прикосновения в тихий перезвон — как будто тысячи маленьких колокольчиков звенели в унисон.

Он замер.

Это было похоже на снег. На земной снег, которого он никогда не видел, но о котором читал. Белые хлопья, падающие с неба. Дети ловят их языками. Взрослые прячутся от них под зонтами. Снег.

Он вдруг почувствовал, как что-то внутри него отпускает. Холод — тот самый, что сжимал сердце, — начал таять. Не исчезать. Таять. Как снег весной. Медленно, неохотно, но неотвратно.

Потому что там, впереди, была Земля. И на ней — она. Женщина из хроно-туннеля. Женщина, которую он никогда не встречал, но уже любил.

«Глупо, — подумал он. — Глупо любить человека, которого ты видел три секунды в обрывке временной линии. Глупо лететь через полгалактики ради тени. Глупо надеяться».

Но он надеялся. Потому что надежда — это единственное, что остаётся, когда всё остальное потеряно.

— --

7. Вход в атмосферу

Земля приближалась.

Он видел её на экранах: голубой шар, окутанный белыми завитками облаков. Она была прекрасна. В Эр-Девять не было таких планет — там всё было застроено, заасфальтировано, затянуто смогом. Здесь же — океаны, леса, горы. Нетронутые. Живые.

Он выбрал место для посадки: Хорватия, регион Лика, недалеко от деревни Смилян. Почему там? Потому что в архивах говорилось, что там жил человек по имени Никола Тесла. Он решил взять это имя. Это облегчит маскировку.

— Никола Тесла, — произнёс он вслух, пробуя имя на вкус. — Звучит. Как колокольчик.

«Колокольчик» — это слово он вычитал у Толстого. Оно ему понравилось. Маленький такой, звонкий.

Капсула вошла в атмосферу.

Небо загорелось. Не метафорически — буквально. Обшивка, не рассчитанная на такой угол входа (он торопился, он хотел скорее), раскалилась до белого свечения. Он видел в иллюминатор, как плазма обтекает капсулу, как огненные струи тянутся за ней, как хвост кометы.

Внизу люди видели это и загадывали желания. Они не знали, что падающая звезда — это человек. Что их желания сбудутся — не сейчас, не сразу, но сбудутся, если этот человек выживет.

Он выживет. Он должен.

Потому что где-то там, в будущем, его ждёт Анна.

— --

8. Падение

Удар.

Земля вздрогнула. Деревья повалились. Птицы взлетели с ветвей, крича от ужаса. Капсула пропахала в лесу огромную борозду и замерла, уткнувшись в холм.

Тишина.

Он очнулся через несколько минут. Голова гудела. Рот был полон крови. Рёбра, кажется, сломаны. Но он был жив.

Он выбрался из капсулы. Ночь была тёмной, хоть глаз выколи. Пахло дымом, хвоей и чем-то ещё — сырой землёй. Запах был резким, непривычным, но приятным. В Эр-Девять так не пахло.

Он поднял голову. Над ним было небо. Чужое небо. Усыпанное звёздами, которые он видел вблизи. Он знал их имена. И они смотрели на него — как старые друзья, которые пришли попрощаться.

— Ну вот, — прошептал он. — Я на месте.

Где-то вдалеке послышались шаги. Кто-то шёл через лес. С факелом. Он увидел свет — тёплый, живой, колеблющийся.

И потерял сознание.

— --

9. Священник

Отец Милутин Тесла не верил в чудеса.

Он был священником, но практичные люди редко верят в чудеса, даже если служат Богу. Он верил в молитву, в труд, в порядок. Но когда он увидел в овраге светящееся серебряное яйцо и человека рядом с ним, его вера пошатнулась.

— Господи Иисусе, — прошептал он. — Что это?

Человек был без сознания. Одет странно. Дышал тяжело. На лбу — кровь. Отец Милутин перекрестился, взвалил незнакомца на плечи (тот оказался неожиданно лёгким) и понёс домой.

Дома его встретила жена, Джука. Она всплеснула руками, запричитала, но быстро взяла себя в руки: принесла воду, бинты, травы. Они вдвоём уложили незнакомца на кровать.

— Кто он? — спросила Джука.

— Не знаю. Он упал с неба.

— Как — с неба?

— Вот так. Как звезда.

Джука перекрестилась. Их сын, маленький Никола, подошёл ближе и долго смотрел на чужого человека.

— Папа, — сказал он. — У него одежда блестит.

— Вижу.

— Он волшебник?

— Не знаю, сынок. Может, и волшебник.

Мальчик протянул руку и коснулся костюма незнакомца. Ткань засветилась — мягким, тёплым светом.

— Красиво, — прошептал он.

И в этот момент незнакомец открыл глаза.

— --

10. Пробуждение

Он открыл глаза и увидел деревянный потолок. Низкий, с балками. На балках висели пучки сухих трав. Пахло лавандой, дымом и ещё чем-то — тёплым, живым. Людьми.

Он повернул голову. Рядом стоял мальчик — светловолосый, с большими глазами. Мальчик смотрел на него с любопытством, но без страха.

— Ты кто? — спросил мальчик.

Он открыл рот. Слова пришли не сразу. Язык, на котором он говорил всю жизнь, был незнаком этому ребёнку. Но он знал сербский. Он учил его в полёте.

— Никола, — сказал он. — Меня зовут Никола.

Мальчик улыбнулся:

— И меня зовут Никола. Мы тёзки.

Он попытался улыбнуться в ответ. Получилось плохо — лицо не слушалось. Но мальчик не заметил.

— Ты упал с неба, — сказал мальчик. — Как звезда. Папа говорит, ты, может быть, ангел. А может, демон. А ты кто?

Он задумался. Ангел? Демон? Ни то, ни другое. Он был просто человеком. Из далёкого будущего. Из мира, которого ещё не существовало.

— Я — путешественник, — сказал он.

— Путешественник? — мальчик оживился. — Ты много где был?

— Очень много.

— Расскажешь?

— Расскажу. Когда-нибудь.

В комнату вошли взрослые. Мужчина в рясе — тот самый, что нёс его через лес. Женщина с добрым лицом — видимо, его жена. Они смотрели на него с тревогой и надеждой. Они не знали, кто он. Но они спасли его. И этого было достаточно.

— Добро пожаловать в Смилян, — сказал священник. — Меня зовут Милутин Тесла.

Никола — тот, который был из будущего, — улыбнулся. На этот раз получилось. Милутин Тесла. Так вот откуда он взял имя. Из архивов. Теперь он понял: имя было не просто маскировкой. Это был знак. Судьба.

— Спасибо, — сказал он. — Я в долгу перед вами.

— Сочтёмся, — ответил Милутин. — Когда поправишься.

И Никола — новый Никола Тесла, человек из будущего, агент «Искры» номер семь, — закрыл глаза и провалился в сон. На этот раз — без сновидений. Просто в темноту. Тёплую, как материнские руки.

Так он попал на Землю.

Так началась история, которая изменила мир.

КОНЕЦ ПРОЛОГА

Глава N. Переход, или Тот, кто помнит.

I. Небесная рана

В ночь, когда человек из будущего вошёл в воздушную оболочку Земли, небо над Госпичем раскололось надвое. Это было не похоже ни на падающую звезду, ни на молнию, ни на зарницу. Это было похоже на трещину в самой реальности — длинную, ослепительно-синюю, беззвучную в первое мгновение и лишь потом отдавшуюся низким, утробным гулом, от которого задрожали стёкла и заныли зубы.

Старый мельник Петар как раз вышел во двор — его разбудило нечто, чему он не знал названия. Задрвав голову, он увидел эту трещину и инстинктивно перекрестился. Свет был такой силы, что на краткий миг стали видны каждая травинка, каждая спящая курица на насесте, каждое пёрышко. А потом всё погасло, и наступила тишина — глубокая, вязкая, словно мир затаил дыхание.

В нескольких домах люди проснулись в холодном поту. Им снилось одно и то же: длинный коридор, полный зеркал, и в каждом зеркале — они сами, но разного возраста. Младенцы, дети, взрослые, старики, а дальше — что-то, о чём они не могли рассказать словами. Этот сон был тенью того, что произошло: время рядом с ними на мгновение изогнулось, и каждый краем души заглянул в собственную бесконечность.

Наутро село гудело. У колодца судачили кумушки, у кузницы хмурились мужики. Каждый рассказывал своё: кому-то привиделся ангел, кому-то — огненный змей, а местный пьяница Йован божился, что звезда упала прямо в огород к попу и теперь там дыра до самого ада.

Взрослые ещё помнили. Ещё обсуждали. Ещё посылали мальчишек на холмы — посмотреть, не горит ли лес.

II. Как уходит память

Но память человеческая — вещь зыбкая. А в данном случае действовало ещё и нечто другое, чему нет простого названия. Сама природа, само устройство мира не терпит вмешательства извне. И когда такое вмешательство случается, мир начинает его затягивать, как затягивается рана на теле. Только затягивается не плоть, а ткань событий.

Никто из взрослых не заметил, как это началось. Просто в какой-то момент пьяница Йован, который кричал громче всех про дыру до ада, вдруг замолчал и задумался. Его спросили: «Ну, что там, видел чего?» А он потёр лоб и ответил: «Да было что-то, разрази меня гром... Только не помню что».

Через день-другой засомневались кумушки. Им стало казаться, что это был сон. Что ничего такого особенного и не случилось — ну, показалось что-то, с кем не бывает. Кузнец держался дольше: он был человеком точным, привыкшим к мере и весу. Но и его воспоминание истончалось, как старая ткань. Ещё неделя — и он уже не мог сказать, видел свет или только слышал о нём от других.

Старый мельник Петар, самый упрямый из всех, даже записал что-то на клочке бумаги: «Видел свет неземной. Синий, как молния. Господь меня...» На этом запись оборвалась. То ли рука устала, то ли мысль ускользнула. Бумажку он сунул в Библию и забыл о ней на долгие годы.

К исходу второй недели ни один взрослый в Госпиче не мог бы поклясться, что вообще что-то видел. Им стало спокойно. Мир снова стал простым и понятным. Небо стало просто небом. Ночь — просто ночью. И это было правильно, потому что мир должен быть простым для тех, кто живёт в нём своими повседневными заботами.

Так работало забвение. Мягко. Безболезненно. Неумолимо.

III. Тот, кто не забыл

И только один человек во всём селе помнил всё.

Маленький Никола.

Почему забыли все, а он — нет? Этого никто не смог бы объяснить. Разве что сказать так: в тот самый миг, когда небесный корабль пересёк границу воздуха и земли, между пришельцем и мальчиком протянулась невидимая нить. Связь, которую нельзя разорвать. То, что знал один, теперь знал и другой — не важно, на каком они расстоянии. И когда мир начал стирать память взрослым, он не мог стереть её у Николы, потому что пришлось бы стереть и самого пришельца. А пришелец был сильнее мира.

С каждым днём, когда взрослые забывали всё больше, Никола помнил всё ярче. Он помнил каждую секунду той ночи: и цвет трещины в небе, и низкий гул, и странное тепло, и шаги, не оставляющие следов на мокрой траве. И лицо. Лицо, которое было его собственным лицом, только старше, спокойнее, словно высеченное из света.

Взрослые жили своей жизнью. А Никола носил в себе тайну, которая была больше всего села, больше гор, больше самого неба. И он ждал. Он знал, что встреча ещё не закончилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.